(4)

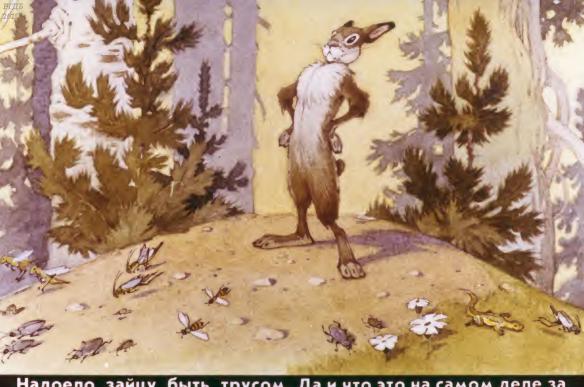
TY-19-241-82

РГД. 2015

08-3-684

Надоело зайцу быть трусом. Да и что это на самом деле за жизнь—всего бояться. А для этого немного надо—только быть храбрым.

гое бы время заяц затрясся от страха, припал бы к земле, 3

а тут взял да и выскочил. Да на неё, да лапой ей по носу. Что тут было! Лиса от неожиданности подскочила, завизжала—да бежать.

Всё это сорока видела. «Ну и заяц! Как он лису-то по носу! Ай да молодец! Такого ещё в наших лесах не бывало. Силач, видно, заяц-то! Силач!»

Заяц лежит себе под кусточком и траву жует. И вдруг видит—человек идёт. Ну, не так, чтобы очень большой человек, всего-навсего Гриша-грибничок, но всё же человек.

Заяц затаился было, но вспомнил, что теперь он ничего не боится, да выскочил из-под куста, да прямо грибничку в ноги.

Тот от страха-то упал—и в рев. «мама! мама!—кричит.— Меня чуть волк не съел!» Вот каким большим показался Грише заяц. Недаром говорят—у страха глаза велики.

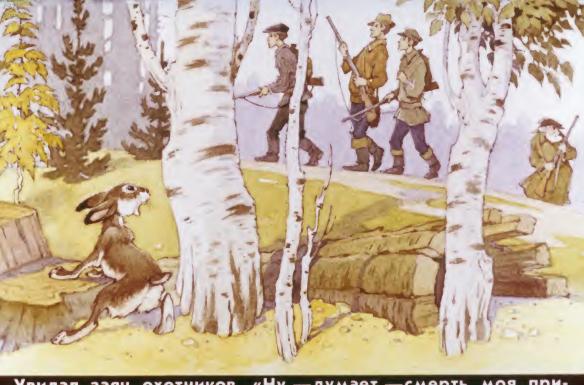
ну, если волк, тут не до грибов. Дома все рассказал... «Надо, мужики, ружья брать и волка искать,—сказал самый храбрый охотник.—Не то нам всем беда будет».

Взяли мужики ружья, пошли в лес. И ведь надо же было увязаться за ними дряхлому старичонке. Зузяка его звали.

Все идут прямо, а Зузяка по кустам шныряет. Волка боится, прячется.

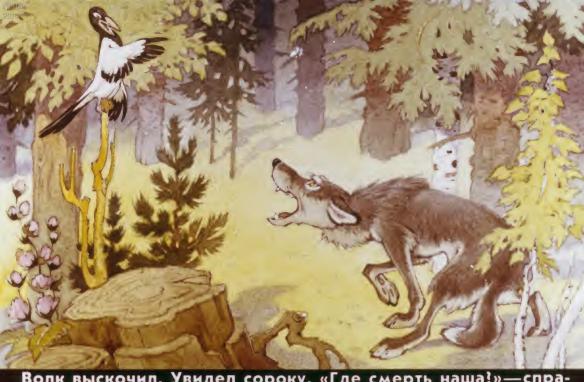

Увидал заяц охотников. «Ну, — думает, — смерть моя пришла. Но только и теперь отступаться от своего не стану. Трусом не умру!»

Да и выскочил, и кинулся под ноги охотнику, да попал ни к кому другому, а Зузяке. Как тут Зузяка закричит, как завертится—да давай палить из ружья.

Волк выскочил. Увидел сороку. «Где смерть наша!»—спрашивает. «А сам не видишь! Вон заяц вместе с мужиками охотится. Самый главный у них!»

Повернулся волк, куда сорока указала, и верно: стоит заяц перед Зузякой, лапой машет, а тот во все стороны из ружья палит.

«Ой, беда!»—взвыл волк и понёсся так, что только кусты затрещали.

Выскочил на поляну, а там медведь бруснику ест. «Заяц с мужиками на нас идёт. Спасай, медведь, свою шкуру, не то мужикам на шубу пойдёт!»

Медведь как услыхал—бегом. Бежит—земля дрожит, 20

дерево шатается. Сова проснулась, из дупла вылезла. Глядит—ничего не видит. «Разве уже ночь!»—спрашивает. 21

«Какая там ночь! Заяц охотников на нас ведёт. Спасайся, если не хочешь, чтобы из тебя чучело сделали!»

Сова—спасаться. Ничего не видит, зигзагами летит над самой землёй.

И налетела на зайца. Сзади. Испугался он, да вспомнил, что храбрый теперь, что ничего не боится. Сбил сову на землю. Бъёт и приговаривает: «Мне и медведь нипочём. Захочу—всех измолочу!»

Еле сова вырвалась. На весь лес слух о зайце пустила. О силе его, что и медведь ему нипочём.

Обидно, конечно, медведю, а что поделаешь. Хотел было померяться с зайцем силой, да подумал-подумал— и раздумал: «Кто его знает, а вдруг намнёт бока, а они у меня и так помяты будут: всю зиму в берлоге лежать».

Вот так-то и стал заяц храбрым. Как только где покажется, тут ему дорогу уступают. «То-то же!»—грозит им заяц лапой.

На днях сам волк дорогу уступил. Даже поклонился. Ещё бы—если заяц сильнее медведя!

А всё потому, что храбрый. А коли храбрый, то и сильный. Самый сильный! Ну и заяц! Ай да молодец!

конец

Художественный редактор В. ДУГИН Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-153-87

© Студия «ДИАФИЛЬМ» Госкино СССР, 1987 г. 103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30